

Клэр Фуллер

Our Endless Numbered Days

Перевод Марины Извековой

II.

В первое время нашей жизни в *хютте*¹ солнечные дни незаметно сменялись тёплыми вечерами. Я играла возле хижины с Филлис, полоскала наши находки — металлические тарелки, столовые приборы, деревянные миски — в вёдрах с водой, что таскал с реки отец. Башмак он мне соорудил из мешковины, вырезав из дранки подошву, но я почти всё время бегала босиком, в одних трусах. Вечера мы коротали у костра — вили из трав верёвки и рассказывали друг другу истории. Иногда я вдруг с ужасом вспоминала, что Ута умерла, и забивалась с Филлис в палатку, обнимала её, утешала.

Две ночи мы спали в палатке возле *хютте*, а на третий день отец залез на крышу с починенным молотком и гвоздями и принялся латать кровлю. Велел мне зайти в хижину и показывать, где просачивается в прорехи свет, но вскоре стал обходиться без моей помощи, и я вышла наружу.

— Займись делом, — приказал отец; в зубах он держал гвозди, и слова прозвучали невнятно. — Возьми силки, излови нам кого-нибудь на ужин.

До сих пор я ни разу не ходила в лес в одиночку; эта мысль привела меня в волнение и трепет; я тут же натянула одежду, сунула ноги в разномастные башмаки, схватила ловушки. Чуть помедлив на краю поляны, шагнула в чащу. Корявые замшелые корни растопырились, как пальцы великана, среди папоротников, в которых я утонула по грудь. Гнилого валежника было столько же, сколько живых деревьев, что тянулись вверх, борясь за каждый клочок света, проникавшего сквозь густую зелень. В лесу пахло землёй и сыростью, как на кладбище. Я шла вперёд, раздвигая листья, пока не наткнулась на толстое

¹ Die Hütte (нем.) — хижина

поваленное дерево, почерневшее, трухлявое — должно быть, давно упало. Когда я стала через него перелезать, гнилая кора отвалилась, и я отлетела назад. Деревья дрогнули, будто засмеялись надо мной, и я уже готова была развернуться и дать стрекача. У ног моих лежала толстая ветка, свежесломанная; я подобрала её, сбила ею кору с бревна и стала прокладывать путь сквозь папоротники и мокрые ветви, пока впереди не засиял просвет, а земля не утрамбовалась. Я оглянулась назад — низенькая серая тень метнулась сквозь подлесок, и папоротники сомкнулись следом.

«Волк!» — прошелестело в голове. Сердце так и зашлось, но я не дрогнула. Лес проверял меня на прочность. С низким горловым рычаньем я присела на корточки с веткой наперевес, готовая к бою, но папоротники больше не шелохнулись, и я опустила на траву, распласталась лицом вверх, раскинув руки. Влажная земля холодила кожу сквозь одежду. Деревья обступали меня со всех сторон, склонялись надо мной, а я смотрела вверх сквозь лесной полог, как в объектив «рыбий глаз». Деревья признали меня за свою, опрокинули навзничь, и далёкое синее небо, скрытое листьями, поменялось местами с землёй, а я парила над нею.

Когда ощущение полёта исчезло, я перекатилась на живот, глаза вровень с подстилкой из мха. Передо мной, куда ни глянь, раскинулся лес из гигантских лисичек. Снизу они походили на невиданные деревья с ребристыми кронами цвета яичного желтка. Я набрала лисичек в карманы, в подол футболки и бросилась назад, в сторону *хютте*.

Мы с отцом исходили всю нашу территорию до самой реки. Южной её границей была вода, а северной — склон горы. С востока хижину окружал лиственный лес.

— Дубы, или *винтерайхен*², — объяснял отец. — Жёлудь — один из самых питательных продуктов, единственный в этом лесу продукт, который содержит углеводы, белки и жиры. Что такое жёлудь?

² Wintereiche (нем.) — дуб скальный

— Единственный продукт, который содержит углеводы, белки и жиры, — отвечала я.

— А дерево как называется?

— Винторай.

«Винторай», буки да кое-где седые тисы росли на склоне почти до самой реки, а между лиственным лесом и берегом темнели подковой высокие сосны и низкорослые кустарники. Сквозь лес пролегал овраг — глубокий, полный замшелых камней, что когда-то давно скатились с горы, завалив шумный ручей, который был слышен, но не виден. Мы ни разу не пересекали овраг; сразу за ним высилась крутая каменистая осыпь, неприступная на вид. К западу от хижины зеленел клочок леса, тоже обрамлённый рекой и горой. Этот лес мы окрестили «каменным»: с восточного склона горы камни скатывались прямо в овраг, точно в воронку, а с запада огромные валуны, что обрушились когда-то на мягкую почву, торчали среди деревьев, наполовину вросшие в землю. Каждый день я в заведённом порядке обходила ловушки, собирала страшный урожай. Если силки оказывались пусты — не беда: в капкан мог попасться кролик, а ещё были грибы, ягоды, травы и коренья, пойманная отцом рыба и припасы, что мы привезли с собой. В то лето мы не знали голода.

Каждое утро со дня приезда отец делал зарубку на дверном косяке *хютте*, но дойдя до шестнадцати, решил остановиться.

— Хватит нам жить по чужим правилам, отсчитывать часы и минуты, — заявил он. — Когда вставать, когда идти в церковь, когда на работу.

Не припомню, чтобы отец хоть раз ходил в церковь и даже на работу.

— Даты лишь напоминают нам, что наши дни сочтены и с каждым днём мы всё ближе и ближе к смерти. Отныне, Рапунцель, будем жить по солнцу и временам года. — Он схватил меня в охапку и, смеясь, закружил. — Нашим дням не будет конца.

С последней отцовой зарубкой время для нас остановилось 20 августа 1976 года.

Отец показал мне, как точить о камень нож; как делать надрез в шкуре кролика чуть пониже головы и как сдирать её, оставив кролика в одних «носах»;

как вытаскивать серую кроличью требуху так, чтобы сердце, печень и почки остались внутри; как жарить тушку, насадив на вертел. Ни одна часть нашей добычи не пропадала: из костей мы делали иглы, из кишок плели верёвки, шкурки пытались обрабатывать, хоть и получалось у нас не ахти. Мы были заняты, так заняты, что я не успевала задуматься о том, почему наша двухнедельная поездка растянулась на три недели, потом на месяц.

Через неделю отец сказал, что можно перебираться в *хютте*. Он уже выкорчевал ежевику, залатал дыры в кровле, приладил покосившуюся дверь, починил печку. Он стоял возле хижины и хлопал в ладоши, глядя, как из металлической трубы, торчавшей сквозь dranku, вьётся дымок. Я запрыгала и тоже захлопала, радуясь непонятно чему. Солнце светило так ярко, что больно было смотреть вверх, а крепчавший ветер относил прочь дым.

— Работы ещё много, но спать сегодня будем в *хютте*, — сказал отец, выпятив грудь, подбоченясь. — Отпразднуем, — добавил он и похлопал меня по спине, будто не он, а я починила печь. — Что будем делать, Рапунцель? — Он глянул на меня и расхохотался.

— Праздновать! — подхватила я и тоже засмеялась неизвестно отчего.

— Давай сделаем змея. И запустим на верхней гряде. — Заслонясь ладонью от солнца, отец устремил взгляд вдаль, поверх крыши. — Принеси-ка бечёвку, а я палочек настругаю.

Я побежала в *хютте*, а отец скрылся в лесу.

Когда я отыскала моток самодельной бечёвки на крючке за дверью, отец уже сидел спиной ко мне на корточках возле палатки и орудовал ножом. Я подбежала, размахивая мотком: «Папа, нашла!» Но здесь воспоминания замедляются, будто смотришь старый фильм — плёнка прокручивается рывками, краски неестественно яркие. Отец говорил в камеру, но слов не было слышно. Он сидел возле палатки и кромсал её ножом. Вспарывал, полосовал, будто разделявал тушу. Он смотрел на меня через плечо с улыбкой, что-то говорил, но я ничего не замечала, кроме зияющей дыры в палатке. Тут ко мне вернулся слух, будто вылилась из ушей вода, и донеслись слова отца: «Там, наверху, будет

ветрено». Он резанул ножом, и кусок брезента безвольно повис. Глядя на отца, я скрючилась, как от боли, схватилась за живот.

— Из обрезков можно сделать хвост, — сказал отец, продолжая работать. — Эх, ножницами было бы куда сподручней. Где-то в хюtte должны быть ножницы.

Я в слезах опустилась на землю. Поздно, его уже не остановишь.

— Папа, как же мы доберёмся домой без палатки? — спросила я, глядя ему в спину. Отец обернулся в минутном замешательстве, но тут же всё понял.

— Мы и так дома, Рапунцель, — сказал он.